

I

Вотъ что пятнадцать лѣтъ назадъ и даже менѣе думали болѣе или менѣе всѣ мы, -- исключая разумѣется немногихъ сторонниковъ славянофильства.

Петръ Великій есть величайшее явленіе не нашей только исторіи, но и исторіи всего человѣчества; онъ *божество, воззвашее насъ къ жизни, вдунувшее душу живую въ колоссальное, но поверженное въ смертную дремоту тѣло древней Россіи...* (Соч. Бѣлинскаго, томъ IV. стран. 333).

Нѣтъ, безъ Петра Великаго, для Россіи не было никакой возможности естественнаго сближенія съ Европою. Повторяемъ: Петру некогда было медлить и выжидать. Какъ прозорливый кормчій, онъ во время тишины предузналъ ужасную бурю и велѣлъ своему экипажу не щадить ни трудовъ, ни здоровья, ни жизни, чтобы приготовиться къ напору волнъ, порывамъ вѣтра, -- и всѣ изготавились хоть и не хотя, и настала буря, но хорошо приготовленный корабль легко выдержалъ ея неистовую силу, -- и нашлись недалёковидные, которые стали роптать на кормчаго, что онъ напрасно такъ беспокоилъ ихъ! Нельзя ему было сѣять и спокойно ожидать, когда прозябнетъ, взойдетъ и созрѣетъ брошенное сѣмя: *одной рукою бросая сѣмена, другою хотѣлъ онъ тутъ же и пожинать плоды ихъ, нарушая обычные законы природы и возможности, -- и природа отступила для него отъ своихъ вѣчныхъ законовъ, и возможность стала для него волшебствомъ. Новый Навинъ, онъ останавливалъ солнце въ пути его, онъ у моря отторгалъ его довременныя владѣнія, онъ изъ болота вывелъ чудный городъ.* Онъ понималъ, что полумѣры никуда не годятся, что коренные перевороты въ томъ, что сдѣлано вѣками, не могутъ производиться вполонину, *что надо дѣлать или больше чѣмъ можно сдѣлать или ничего не дѣлать и понималъ что на первое станетъ его сила.* Передъ битвою подъ Лѣснымъ, онъ позади своихъ войскъ поставилъ казаковъ съ строгимъ приказаніемъ убивать безъ милосердія всякаго, кто побѣжитъ вспять, даже и его самого, если онъ это сдѣлаетъ. Такъ точно поступилъ онъ и въ войнѣ съ невѣжествомъ: *выстроивъ* противъ него весь народъ свой, онъ отрѣзалъ ему всякій путь къ отступленію и бѣгству. Будь полезенъ государству, учись, или умирай: вотъ что было написано кровью на знамени его борьбы съ варварствомъ. И потому, все старое безусловно должно было уступить мѣсто новому -- и обычаи и нравы и дома и улицы и служба. Говорятъ, дѣло -- въ дѣлѣ а не въ бородѣ; но что жъ дѣлать, если борода мѣшала дѣлу? Такъ вонъ же ее, если сама не хочетъ валиться... (Соч. Бѣл. Т. IV. стран. 392. 393).

До Петра, русская исторія *вся заключалась въ одномъ стремленіи къ соглашенію разъединенныхъ частей страны и сосредоточеніи ея вокругъ Москвы.* Въ этомъ случаѣ *помогло и татарское иго и грозное царствование Иоанна.* Цементомъ, соединившимъ разрозненныя части Руси, было преобладаніе московскаго великокняжескаго престола надъ удѣлами, а потомъ уничтоженіе ихъ и *единство патріархальнаго обычая, замѣнившаго право.* Но эпоха самозванцевъ показала, какъ еще не довольно твердъ и достаточенъ былъ этотъ цементъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, обнаружилась самая необходимость реформы и сближеніе Руси съ Европою. Было сдѣлано много попытокъ въ этомъ родѣ; но для такого великаго дѣла, нуженъ былъ и великій творческій геній, который и не замедлилъ явиться въ лицѣ Петра... (Соч. Бѣл. Т. VII. стран. 105).

Неужели же русскій народъ до Петра Великаго, не имѣлъ чести существовать по человѣчески? *вспомнитъ г. Шевыревъ. Если человѣческое существованіе народа заключается въ жизни ума, науки, искусства, цивилизаци, общественности, гуманности въ нравахъ и обычаяхъ, то существованіе это для Россіи начинается съ Петра Великаго, -- смѣло и утвердительно отвѣчаемъ мы г. Шевыреву...* Петръ Великій -- это новый Моисей, воздвигнутый Богомъ для изведенія русскаго народа изъ душнаго и темнаго плѣна азіятизма... Петръ Великій -- это путеводная звѣзда Россіи, вѣчно долженствующая указывать ей путь къ преуспѣянію и славѣ... Петръ Великій -- это колоссальный образъ самой Руси, представитель ея нравственныхъ и физическихъ силъ... Нѣтъ похвалы, которая была бы преувеличена для Петра Великаго, *ибо онъ далъ Россіи свѣтъ и сдѣлалъ Русскихъ людьми...* (Соч. Бѣл. Т. VII. стр. 413).

Видите ли въ чемъ дѣло! Для Русскихъ XVIII вѣка много было радости въ томъ, что славяне, около тысячи лѣтъ коснѣя въ бесплодномъ для человѣчества существованіи, все-таки, не смотря на то,